

О.Ф. Нескрябина

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЭТНОКУЛЬТУРЫ И ЭТНИЧЕСКАЯ РИТОРИКА В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Реальность такова, что приходится много говорить о национальных отношениях, проблемах и конфликтах. Умение говорить и писать обо всем этом так, чтобы не задевать чувств национальной гордости - большое искусство, требующее квалификации, нужной в любой коммуникативной профессии, в журналистике же - в особенности.

Психолингвистический аспект - важная и сложная часть той системы знаний и навыков межнационального общения, которую мы называем этнокультурой. В отличие от этнолингвистики, занимающейся многообразными отношениями между этносом и языком данного этноса, психолингвистический аспект этнокультуры включает проблемы языка национального самосознания и языковые проблемы, возникающие при обсуждении темы национальных отношений. В большинстве случаев они связаны со взаимодействиями вербальной, когнитивной и эмоционально-побудительной сфер. Поэтому, разговор о проблемах этноса - это почти всегда анализ, осуществляющийся на стыке психологии и лингвистики. В качестве объекта исследования психолингвистический аспект этнокультуры входит в компетенцию таких дисциплин, как социо- и психолингвистика.

Психолингвистический аспект этнокультуры - это некая рефлексивная составляющая этнического сознания, существующая на трех уровнях вербализации: языка науки, публицистики и повседневного общения.

Работа журналиста с каждым из уровней имеет свои особенности и требует профессиональной подготовки. Журналистское образование должно включать знание психосемантики обыденного языка, овладение научным языком и навыками создания публицистического текста.

Во многих ситуациях межнационального общения бывает достаточно соблюдать элементарные правила вежливости, например: называть народ тем именем, которым этот народ называет себя, т.е. пользоваться, по-возможности, эндоэтнонимами; не употреблять выражения, содержащие намек на неравноправие, вроде «русский народ - старший брат белорусского народа», «дружная семья народов» и пр. Вообще, помнить о том важном значении, которое имеет имя нации. Одно из актуальных тому подтверждений - выбор этнонима для негритянского населения США.

Многие лингвистические аспекты этнокультуры сложны и требуют теоретического анализа. Начнем с рассмотрения некоторых новых тенденций, появившихся в научной терминологии.

Тенденции изменения этнической терминологии

В учебной и научной литературе до недавнего времени было принято выстраивать градацию этнообразований по степени их развитости. Род, племя, народность, нация - эти формы этнических общностей соотносились с этапами социально-экономического развития - формациями. Род и племя - первобытнообщинный строй, народность - рабовладельческий и феодальный, нация - капиталистическая формация. Тем самым развитость данной общности как именно этнической, отождествлялась с уровнем экономического развития [1]. Кроме того, учитывался количественный критерий для отчленения «наций», как крупных этнических общностей от других образований. Также для «присвоения звания» «народности», «нации» или «национальности» основанием служило наличие государственности, компактной территории проживания.

Данный классификационный ряд применялся, несмотря на то, что критерии, лежавшие в его основе, признавались недостаточно определенными [2]. Это - не единственный случай, когда сомнительная с научной точки зрения классификация повсеместно используется на практике. В данной же ситуации плохо то, что она порождала этические и социально-психологические проблемы в межнациональном общении.

В настоящее время есть тенденция не выделять нации, народности и национальности, используя термин «этнос», или «народ», как не имеющий различительного смысла. Слово «народность» в качестве обозначения этнической общности вносит оттенок неравноценности. «Народность» применялась к немногочисленным этносам, но численность не является показателем развитости нации. Поэтому нет оснований подчеркивать различия наций и народностей как особых, нетождественных видов этносов. Слово «национальность» также имеет дискриминирующий смысл, т.к. оно и по своей грамматической форме является уменьшительным от «нации». Сегодня слово «национальность» стоит употреблять в качестве синонима «нации» в словосочетаниях вроде «национальность моих родителей», в смысле: национальная принадлежность.

Одна из причин, почему «этнос» предпочтительнее, чем старые привычные слова, состоит в том, что «нация» ассоциируется с довольно поздними этническими образованиями, какими являются современные европейские нации. Согласно европоцентристской модели исторического процесса они же служат олицетворением прогресса. Современная духовная ситуация такова, что для анализа национальных проблем требуются термины, которые не содержат никаких «вертикальных» смысловых составляющих.

В теории этноса большое внимание уделяется национальному самосознанию как этнообразующему фактору. Общее самосознание какой-то этнической общности автоматически связано с существованием общего самоназвания. «При этом особую роль играет антитеза «мы» - «они». Примечательно, что само представление о существовании такой особой категории человеческих общностей (под каким бы названием они ни выступали: народ, этнос, племя, нация и т.д.) неизбежно предполагает подобное различие» [3].

Анализ самосознания логически приводит к постановке вопроса о его истинности, адекватности. Самосознание обычно не самодостаточно. Если речь идет о самосознании личности, то «реальность», с которой сравнивается и соотносится тот или иной элемент самосознания, есть реальность сознания же, либо реальность эмоциональной и т.п. сфер. Эта оговорка делается для того, чтобы не считать, что проблема адекватности самосознания ориентирует на поиски объективной внесубъектной реальности.

Самосознание представляет собой рефлексивный уровень. Это простое обстоятельство следует учитывать при разработке инструментария для изучения этноса. Вот, например, данные одного опроса о критериях определения этнической принадлежности: 37,2% опрошенных полагают, что национальность следует определять по «желанию самого человека», а 32,6% - по «родному языку». Для четверти выборки значимее происхождение, т.е. национальность родителей (национальность отца - 25,2% и национальность матери - 26,5%) [4]. Отрадно, что для изучения проблем национального самосознания исследователи обращаются к анализу высказываний людей как субъектов национальных отношений, а не ограничиваются вне личностными, т.н. объективными методами. И все же при составлении данного опросника, по нашему мнению, допущена ошибка: в качестве рядоположенных предлагаются вопросы, относящиеся к уровню самосознания и к уровню знания. Они сформулированы одноуровнево, поскольку предполагают альтернативность в ответе: человек должен выбрать либо один вариант, либо другой.

Утверждение о желании самого человека как критерии этнической идентификации - это утверждение из области самосознания, т.к. здесь фактически заявлено право индивида считать себя субъектом этнической общности. Если респондент отвечает, что национальность следует определять по желанию самого человека, то это не значит, что он считает критерием само желание. Во всяком случае, не каждый респондент это подразумевает. Если его спросить: от чего зависит желание человека причислять себя к какой-то нации, то тем самым будет обозначено, что желание не произвольно, и далее, скорее всего, всплывут такие критерии, как язык и национальность отца и матери.

Чтобы не путать уровни, можно задать вопрос в такой форме: «Как человек определяет свою национальность?», или «Какие факторы формируют желание причислять себя к той или иной нации?». В таком варианте ответ будет означать не признание права человека на национальное самоопределение, а представление об этно-образующих признаках.

Впрочем, в некоторых специфичных, хотя и не редких, ситуациях самосознание может выступать в качестве «последней инстанции», в качестве причины этнического самоотнесения. Допустим, мать - одной национальности, отец - другой, и выбор - ничем явно не мотивированное предпочтение индивида. Хотя более глубокий анализ данного национального чувства, вероятно, обнаружит некую специфическую причину.

Мы высказываем следующую гипотезу: национальное сознание и самосознание индивида представляет собой сложную систему, состоящую из трех основных подструктур. 1 - знаков этнической самоидентификации; 2 - смысла чувства этнической принадлежности (в переводе на язык этнологии - это сущность этноса); 3 - психосемантики этнического чувства.

Знаки этнической самоидентификации

Принадлежность к какому-либо этносу является фактом самосознания индивида. Однако самосознание формируется на определенной почве. Человеку нужны знаки его национальной принадлежности, признаки, по которым он мог бы судить о себе как о представителе определенного этноса. В данной ситуации лучше использовать слово «знаки», потому что речь идет об обыденном уровне сознания. «Признаки» ассоциируются с осознанной логической операцией, с уровнем научного анализа.

По нашему мнению, язык, национальность родителей, в ряде случаев - физический облик представляют собой наиболее надежные знаки.

Обычно когда пишут о языке в связи с его этноопределяющим значением, то отмечают его неопределенность как критерия. Действительно, человек может не говорить на языке своей нации, и это не мешает ему причислять себя к данному этносу. Однако здесь принципиально важно другое: чтобы этот

национальный язык был, чтобы он был либо языком, на котором говорят родственники, либо языком, на котором говорили предки. Эти представления могут отчетливо не осознаваться и не проговариваться. (Не все элементы в системе этносознания индивида вербализованы.) Эти представления - лишь символы более глубокого, но менее отчетливого значения, каковым является «родственность», «родственная связь».

Смысл чувства этнической принадлежности и значение этнонима

С.Н.Булгакову принадлежит прекрасная формула сущности этноса: национальное есть духовно-кровнородственная связь [5]. Аналогично представлял себе природу этнических чувств М.Вебер. Он считал, что для этнических групп характерна коллективная вера в свое общее происхождение и некоторые наследуемые свойства.

«Духовно-кровнородственная связь» не означает «культура, духовность и плюс еще родство». В этом высказывании говорится о духовном смысле кровных уз. И общее имя - эндоэтноним - обозначает и закрепляет эти уз. Никто не спорит с тем, что наличие собственного имени - обязательный признак этноса, имеющий важное этноконсолидирующее значение, но смысл этому значению придается разный. Различно толкование вопроса: признаком чего является наличие эндоэтнонима, каков характер связей, обозначаемых данным собственным именем. Название своего народа, на наш взгляд, составляет один семантический ряд с родовым именем - с фамилией. Степень близости, идентификации, бесспорно, разная. Хотя есть люди, для которых семейное имя -такой же пустой звук, как и имя их нации.

Ю.В.Бромлей пишет об этнониме как о внешнем ориентире [6]. Для него за именем стоит культура, язык и пр., а признание родства в качестве главного этнообразующего фактора Ю.В.Бромлей квалифицирует как биологизаторский подход. Безусловно, культура - важный признак этнической принадлежности, но культура обретается человеком при его жизни, культуру можно перенять, как и религию, а родство - нечто неотъемлемое и неизменяемое по воле человека. В одной из популярных книг о психологии семейных отношений предлагается совет, как воспитывать у людей чувство прочности брачных уз. Совет таков: надо культивировать в себе отношение к супругу, как будто это ваш родственник, с которым невозможно разойтись.

Духовность идеи кровного родства, о котором говорит «формула» Булгакова, состоит в том, что древность сама по себе имеет для человека сакральный смысл. Почему образуется в психике связка «древнее, значит священное» - это другой вопрос, но ее наличие не требует доказательств. А вот ее отношение к проблеме этнического сознания не очевидно и нуждается в пояснениях.

Идея этноса как кровнородственной связи обсуждалась и подвергалась критике во многих исследованиях. Немало написано о субъективности критерия родства, его зависимости от случайных факторов. Имеет значение и то, что степень родства народов «не поддается пока никакому даже качественному учету» [7]. Но «учет» - дело науки, и то, что он невозможен или затруднен - это, как говорится, ее проблема, а вовсе не проблема той реальности, которой наука занимается. Действенность критики теории родства, на наш взгляд, снижается тем обстоятельством, что большей определенностью не обладает ни один из иных признаков этноса. Однако факт этнической общности существует.

В своей полемике с Л.Н.Гумилевым Ю.В.Бромлей прибегает к такому аргументу: если люди не знают о своем биологическом родстве, то оно не влияет на отношения между ними [8]. Это верно само по себе, но ничего не доказывает. Бывают случаи, когда родственники не знают о своем родстве. В этом случае нет одной определенной семьи. Но будет ли это аргументом в пользу следующего утверждения: «семья не есть общность, основанная на отношениях кровного родства»? Если люди не знают о своем историческом родстве, то это значит, что не существует одного определенного этноса. Но в ряде случаев они знают, и этот ряд содержит столько единиц, сколько на Земле существует народов.

Представления о родстве у людей не так просты, как, видимо, считают те, кто склонен видеть в родстве биологическую связь. Родня мужа - это родня, хотя состоит из людей другой крови, а бывает и расы. Породнились две семьи, это значит, что следующее поколение будет иметь общую кровь, общие гены. Так и этносы. Они могут изначально быть далекими, а потом породниться и образовать один народ. Это будет новый этнос. Например: бразильцы, кубинцы и др. Существование этих народов идею кровного родства нисколько не подрывает, как это кажется некоторым авторам.

Почему-то когда заходит речь об этносах как родственных общностях, то контраргументы черпаются не из реальных отношений людей, их психологии или речевой практики, а из «академических» ситуаций. Вроде того: как определить степень родства в этносе, возможно ли установить генотипическое сходство и т.п. В довольно специфичных ситуациях людям требуются анализы крови и карты генов для установления родства в решении семейных проблем. Так почему нас должна волновать точность в установлении этнического родства? Разумеется, это - проблема большой научной важности, но не следует ставить в зависимость от ее решения смысл отношений национальной общности. Значение этнической принадлежности для человека - это значение его корней,

его происхождения. В отличие от биологического термина «онтогенез», имеющего смысл индивидуальной человеческой жизни, «биография» означает, что жизнь человека не начинается с момента рождения, а продолжается как факт биографии его родителей и прародителей. И только в этом смысловом континууме возможно ощущение своего бессмертия в ряду последующих поколений. Так нам видится духовность кровнородственных связей. Об этой психологической общности семейных и национальных уз свидетельствует и лексика этих отношений: «Родина», «родня», «народ» и пр.

Близость этих отношений может быть использована с целью компенсации. Когда, в силу определенных обстоятельств, в обществе появляется дефицит одного чувства, то другое чувство обостряется и заполняет возникший вакуум. Так, у нас в годы сталинизма было не принято расспрашивать об истории семьи. Спросить о том, «где жили и чем занимались ваши родственники» было равносильно тому, чтобы спросить: «чем ваш отец занимался до Советской власти». Зато в это время культивировалось национальное чувство.

Речевой аспект этнокультуры журналиста

Приведенными рассуждениями не исчерпывается психосемантика национального чувства, но их достаточно, чтобы понять, насколько сложной и тонкой материей является этносознание. Отсюда следуют некоторые выводы относительно способов подачи соответствующего материала в «масс медиа». Не всякая журналистская форма подходит для того, чтобы выразить корректно и адекватно суть какой-то проблемы национальных отношений. При использовании таких неадекватных приемов складываются в лучшем случае ничего не значащие штампы.

Например, такой: «нет хороших и плохих народов, в каждой нации есть хорошие и плохие люди». Этот аргумент довольно часто появляется на ТВ в интервью со случайными прохожими. В условиях дефицита времени, информации о контексте вопроса и средств выражения, человек склонен отделаться стереотипной реакцией. От такого речевого шаблона веет инфантилизмом. Но в условиях интервью-экспромта он неизбежен и он лучше, чем поверхностные характеристики.

Во многих ситуациях общения по поводу этнических проблем необходимо пользоваться эвфемизмами. Они воспринимаются как формулы вежливости, к которым не относятся как к осмысленным сообщениям. Зато эвфемизмы, при умелом использовании, также как комплименты, свидетельствуют о добрых намерениях, об уважении достоинства, что, наверное, важнее всего в межнациональных отношениях.

Средства массовой информации часто прибегают к исторической аргументации, когда надо воздействовать на национальные чувства. Следует помнить, что апелляция к истории таит в себе опасность. Она полна войн и, следовательно, побед и поражений. Если мы акцентируем национальные победы, то этим мы неизбежно задеваем чувства побежденных народов. Изучение истории своего народа должно преследовать иные цели, чем внушение чувства гордости, оно должно учить любви, симпатии, состраданию. Гордость - чувство, поднимающее нас над другими людьми. Она подразумевает сравнение, установление отношений: хуже-лучше, выше-ниже и т.п. Любовь - чувство, не требующее рационального обоснования. Сила материнской любви не зависит от достоинств и совершенств ребенка, а если зависит, то это не материнская любовь, а нечто совсем иное.

Специалисты в области менеджмента считают, что управленческая культура разных народов имеет национальные особенности. Есть культуры маскулинного, мужественного и феминистского женственного типа. Наверное, мужественность более подходит деловой культуре, что касается культуры межнациональных отношений, то пусть в ней преобладают женственные черты и соответствующая им лексика - способность к сопереживанию, не воинственность, скромность, склонность заниматься семейными (внутринациональными) делами. Способность демонстрировать такие качества требует соответствующей психологической и лингвистической культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спиркин А.Г. Основы философии: Учеб. пособие для вузов. - М.: Политиздат, 1988. - 592 с. - С.407.
2. Козлов В.И. О классификации этнических общностей - Исследования по общей этнографии. - М.: Наука, 1979.-С.5-23.С.16.
3. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса.-М.: Наука, 1983.- 412с.-С.48.
4. Сикевич З.В. Национальное самосознание русских. - М., 1986.
5. Булгаков С.Н. Нации и человечество // Булгаков С.Н. Избр.соч.: В 2 т. - М., 1992. - Т.2.
6. Бромлей Ю.В. Очерк теории этноса.-М.: Наука, 1983.-412с.-С.45.
7. Алексеев В.П. Этногенез. - М.: Высшая школа, 1986. -176 с, - С.29.
8. Бромлей Ю.В. Письмо в редакцию//Вопросы философии.-1990. -№ 5. -С. 158-161.